

[Качество предмета: Редкое, средний грейд]

[Урон: 326]

[Требуется для улучшения: 67 зарядов души]

Бай Юньфэй посмотрел на верёвку с некоторым разочарованием: «Пф... и это средний грейд человеческого класса?»

Если бы Фэн Хао узнал, что сейчас думает этот нахал, то, без сомнения, захотел бы его придушить. Это был особый духовный предмет, предназначенный для поимки Быстрокрыла, и ему стоило огромных усилий его добыть. Бай Юньфэй с его пренебрежительным отношением действительно...

«Ох, что-то я зарвался», - хмыкнул Юньфэй, почувствовав свою жадность. Но затем насмешливо подумал про себя: «Для начала попробуем её улучшить. Ледяной Шип и вовсе был лишь редким предметом нижнего грейда. Кто знает, эта верёвка может оказаться куда полезнее... Апгрейд».

Минут десять спустя.

[Успешный апгрейд!]

[Качество предмета: Редкое, средний грейд]

[Уровень апгрейда: +10]

[Урон: 326]

[Дополнительный урон: 151]

[+10 Дополнительный эффект: Вливая в предмет духовную силу, вы можете увеличивать и уменьшать длину верёвки, а также контролировать её движение усилием воли. Длина может варьироваться от одной пятой изначальной до пятикратной. Чем длиннее верёвка, тем слабее урон, и наоборот]

[Требуется для улучшения: 67 зарядов души]

При виде дополнительных эффектов верёвки Юньфэй слегка опешил: «Судя по описанию, эта способность немного... странная?»

Немного поразмыслив, он беспомощно потрянул головой: «Проще просто попробовать. Интересно, как это выглядит!»

Бай Юньфэй внимательно осмотрел предмет, чтобы разобраться, где у неё начало, а где конец. На одном конце верёвки обнаружился 10-сантиметровый отрезок более грубого плетения, это очень напоминало рукоятку. Присмотревшись к другому концу, Юньфэй увидел, что он слегка заострён, словно остриё небольшого дротика.

Юноша взялся за рукоять и хлестнул верёвкой, словно кнутом. Послышался негромкий свист, завершившийся отчётливым хлопком. Верёвка стеганула по входу в его палатку, который располагался метрах в пятнадцати от него.

«Ничего себе! Далеко!» - Юньфэй удивлённо вскинул брови. Он не ожидал, что верёвка вытянется на такое расстояние за какие-то доли секунды.

Чуток подумав, он влил немного духовной силы в золотую верёвку. В следующий миг юноша ощутил, что верёвка становится продолжением его тела, словно его рука удлинилась на несколько метров.

Когда он использовал Язык Пламени, то испытывал схожие ощущения. Единственное отличие заключалось в том, что багровое копьё создавало у него ощущение близости и сродства, словно они были частями одного целого. А золотая верёвка ощущалась, как нечто “странное”, но при этом крайне “податливое” и “уступчивое”.

Юньфэй едва заметно дёрнул правой рукой, и небольшая волна прокатилась по верёвке от рукояти до самого кончика. Раздался слабый хлопок, и верёвка заколебалась по всей длине, словно живая. Юньфэй посмотрел на стул, стоящий слева от него, и золотая верёвка, будто получив приказ, метнулась к нему. Обернувшись вокруг одной из деревянных ножек, верёвка вздёрнула стул над землёй, после чего со свистом понесла его в сторону юноши. Юньфэй схватил стул левой рукой.

«Хох, это довольно просто», - он опустил стул и с новым интересом взглянул на золотую верёвку. Это был первый раз, когда Юньфэй использовал духовный предмет в форме верёвки, так что его любопытство разыгралось не на шутку.

«Теперь попробуем удлинить и укоротить её...»

Поигравшись с верёвкой минут десять, Бай Юньфэй наконец подвёл итог своим увлекательным экспериментам.

Пятикратная длина золотой верёвки составляла порядка 70 метров. Ощущение было такое, будто огромная змея кольцами окружила его палатку*. Бай Юньфэй также обнаружил, что чем длиннее была верёвка, тем тоньше она становилась. Её кончик в таком случае становился едва различим. Но несмотря на то, что верёвка казалась более мягкой на ощупь, её прочность оставалась прежней.

// Прим. W: Вроде бы он был в номере гостиницы? Не знаю, где истина, поэтому пока оставляю так. Но имейте в виду, что автор, возможно, чего-то тут недоглядел. //

Если же сжать верёвку до предела, то она превращалась в золотой шест чуть больше 2 метров длиной. Он мог свободно пользоваться им в качестве копья, но мог и изгибать по желанию.

Из-за столь необычных и крайне удобных свойств Бай Юньфэй по некотором размышлении решил назвать её “Послушной Верёвкой”...

Вернув Послушную Верёвку в пространственное кольцо, Бай Юньфэй зевнул и улёгся на кровать.

«Отдохну немного, а затем займусь апгрейдом остального снаряжения...»

На следующий день, когда все готовились к отъезду из гостиницы, к ним спустилась Тан

Синьюнь в сопровождении Чжао Маньча. На ней было новое белое одеяние, а на лице играла лёгкая улыбка. Она выглядела так, будто ничего и не происходило. Единственное отличие заключалось в том, что в её правое плечо вцепилась белая птица размером с воробья. Если приглядеться, то эта птица выглядела точь-в-точь как вчерашний Быстрокрыл.

«Мисс Тан, это...» - Бай Юньфэй осознал, что это мог быть только спасённый духовный зверь, но не успел закончить вопрос, как вокруг девушки сгрудились Цзин Минфэн с Тяньмином, с любопытством разглядывая птичку.

«Да, это тот самый Быстрокрыл. В этой форме с ним удобнее всего путешествовать, - с улыбкой кивнула Тан Синьюнь. Затем она склонила голову и ласково проговорила: - Сяо Бай*, ты помнишь этих двух молодых людей? Это их ты должен благодарить за своё вчерашнее спасенье...»

// Прим. W: Слово «Сяо» у наших китайских друзей означает уменьшительно-ласкательную приставку (вспомните духовного зверька Хун Иня, которого звали Сяо Тан). Обычно она применяется к детям или домашним питомцам. Суть в том, что сама по себе она как бы игнорируется, не неся самостоятельного смысла, а лишь окрашивая последующее слово в “ласковые” тона :-) В русском языке этому слову мог бы грубо соответствовать уменьшительный суффикс, вроде -к-или -онок, но в таком случае теряется или искажается немного смысла, что хорошо видно далее в этой главе. //

«С-сяо Бай...» - Цзин Минфэн застыл, будто громом поражённый. После чего бросил странный взгляд в сторону Бай Юньфэя, и его губы начали изгибаться в кривой ухмылке. Он потянул Тяньмина за собой, и оба юноши зашептались в сторонке, подозрительно хихикая.

Бай Юньфэй и сам не мог сдержать неловкой улыбки. Когда он услышал имя, которым нарекла Быстрокрыла Тан Синьюнь, первой его мыслью было: «Сяо Бай? Почему это звучит, словно собачья кличка?»

Кр-р-и-и-и!!! Словно осознав скрытый смысл за их смешками, Быстрокрыл, он же Сяо Бай, издал раздражённый крик, расправляя крылья и готовясь к бою.

«Что происходит? Что не так с именем “Сяо Бай”?» - Тан Синьюнь заметила странную реакцию окружающих и пришла в замешательство.

«Нет-нет, ничего такого. Сяо Бай - отличное имя. Даже милое... - тут же откликнулся сбоку Цзин Минфэн, после чего с невинным видом повернулся к Бай Юньфэю. - А ты что думаешь, старик Бай?»

Сделав упор на последних двух словах, он быстро подпрыгнул, уклоняясь от пинка Бай Юньфэя. После чего они с Тяньмином сбежали, весело гогоча.

«Это...» - Тан Синьюнь расслышала последнюю фразу. С явной неловкостью она взглянула на Бай Юньфэя, не зная, что сказать.

«Ха-ха, мисс Тан, не беспокойтесь об этом. Ладно, босс Хуан уже, наверное, готов к отбытию. Нам тоже не следует задерживаться. К концу дня мы уже будем в Гуи...» - успокаивающе улыбнулся Юньфэй. Он кивнул тётушке Чжао, и вся группа снова отправилась в путь.

К ночи они действительно добрались до цели - города Гуи.

По прибытии Хуан Вань занялся переговорами, а их компания покинула шумный караван. Бай Юньфэй, Тан Синьюнь и другие углубились в город, неспешно прогуливаясь по его улочкам. Хуан Вань сказал, что на ночь они остановятся в гостинице “Достаток”. Он также поблагодарил Юньфэя и остальных за “защиту” и намекнул, что для них в гостинице также всё подготовлено.

После долгого дня в дороге все были расслаблены и умиротворены. Только неугомонный Тяньмин возбуждённо пялился по сторонам и периодически придирался к различным товарам. Мол, что в таком-то и таком-то магазине в городе Гаои продают вещи получше, или что эта лавка выглядит неказисто по сравнению с другими. В общем, болтал, что в голову взбрёт...

В какой-то момент Цзин Минфэн случайно затронул тему семьи Тяньмина, и тот раздражённо надул щёки: «Давай не будем об этом. Моя семейка хочет, чтобы я помер со скуки! Дети второго и третьего дядюшки постоянно меня донимают, а старший брат вечно торчит возле отца. Он редко бывает дома, а когда мы с ним дерёмся, мать постоянно меня отчитывает и говорит, что я не должен доставлять другим проблем. Пха! Кто заставляет их нарываться на драку? Я не стану давать им спуску! А ещё эта няня, которая целыми днями только и делает, что ноет да болтает без умолку! Это так скучно, что у меня слёзы на глаза наворачиваются, серьёзно! Даже видеть её не хочу, я...»

На середине гневной тирады ему пришлось прерваться, поскольку юноша почувствовал, как вокруг сгустилась очень странная и гнетущая атмосфера. Оглядевшись, он обнаружил, что Бай Юньфэй и остальные смотрят на него с некоторым... недовольством?

«Чт... Что-то не так?» - Тяньмин осознал, что, должно быть, он сболтнул лишнего. Втянув голову в плечи, он попытался понять, чем же вызвана такая реакция.

Бай Юньфэй издал лёгкий вздох, после чего объяснил как есть: «Тяньмин, позволь мне говорить откровенно. Ты не должен говорить так о своей семье. Более того, твоё отношение... Будь то родители или бабушки с дедушками, это люди, которых ты должен уважать. Как бы ты ни жил, но ты не можешь игнорировать или ненавидеть опеку и заботу, которую они проявляют по отношению к тебе. Если бы я не знал, что твои слова идут не от сердца, то давно бы уже разорвал с тобой всякие отношения. Сыновняя почтительность – это важнейшая добродетель. Человек, который этого не понимает, не сможет стать моим другом».

«Это... я...» - лицо Тяньмина опустело, а в его сердце нарастала тревога.

«Сейчас ты этого, возможно, полностью и не поймёшь, но я надеюсь, что ты осознаешь это до того, как станет слишком поздно... - Бай Юньфэй едва заметно улыбнулся, словно поучая неразумное дитя. - Ты знаешь, что значит быть “семьёй”?»

«Чего?» - Тяньмин тряхнул головой, будто растерявшись от такого вопроса.

Бай Юньфэй ткнул пальцем куда-то вперёд: «Вот. Это и есть “семья”».

Примерно в сотне метрах ниже по улице, на углу, сидели две истощённые фигуры. Одной из них был мальчик лет 12-13. Его одежда была в плачевном состоянии, сквозь дыры просвечивало его исхудавшее тельце. Волосы – сальные, всклокоченные патлы, которые явно не мыли уже несколько дней. Но в руках он держал половинку пирога, которым аккуратно, кусочек за кусочком, кормил сидящую рядом женщину лет семидесяти.

Старая женщина тяжело привалилась к стене. Её одежда также была всё в прорехах, однако седые волосы были кем-то тщательно расчёсаны и уложены. Она выглядела менее

измождённой, чем мальчик, но по её глазам всё становилось понятно. Взгляд женщины был блеклым и мутным, совершенно не похожим на взгляд здорового человека.

Половинка пирога быстро закончилась, и мальчик, торопливо подхватив стоявшую рядом чашу, начал поить из неё женщину.

В этот момент какой-то прохожий не глядя швырнул им медную монетку. С просветлевшим лицом мальчишка быстро подобрал монету и, опустившись на колени, приложил лоб к пыльным камням улицы, искренне благодаря этого человека. После этого он бегом вернулся к женщине и начал что-то взволнованно ей рассказывать...

Сверкнув глазами, Бай Юньфэй зашагал в их сторону.

«Не важно, куда ты придёшь, везде найдутся люди, которые влачат подобное существование... но даже в самые отчаянные времена родные не должны переставать поддерживать друг друга. Это... это и означает “быть семьёй”...»

<http://tl.rulate.ru/book/298/54717>